

УДК 316.342.2

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Концепт “класс” в современной социологии: классификация значений

Аннотация

Статья посвящена обсуждению разнообразия значений понятия “класс” и классовых концепций в современной социологии. В отношении данного предмета в последние два десятилетия накопились столь многообразные интерпретации, что исследователи классов стали осознавать необходимость суммировать и упорядочить их, чтобы облегчить обсуждение классовой проблематики. В статье представлен обзор обобщающих классификаций значений понятия “класс” и классовых концепций, созданных в течение 2000–2013 годов авторитетными классовыми аналитиками (Ааге Соренсен, Горан Терборн, Эрик Олин Райт, Майк Сэвидж). Сделан вывод об отсутствии тенденции к созданию универсальной классовой концепции и, напротив, о закреплении в современном классовом анализе многообразия концептуализаций класса.

Ключевые слова: *социальный класс, классовые концепции, классовый анализ, социальное неравенство, социальная структура*

Понятие “класс” имеет богатейшую историю научного употребления и исключительно разнообразное содержание в академическом и публичном дискурсах. В последние два десятилетия в социологической исследовательской области, именуемой классовым анализом, накопилась, по-видимому, столь критическая масса различных значений термина “класс”, что многих классовых аналитиков охватило стремление суммировать и упорядочить их, чтобы преодолеть неопределенность и многозначность бытования данного термина, освободить его конструкцию от идеологической заангажированности, облегчив тем самым обсуждение классовых концепций и их применение в исследовательской практике.

Запрос на такого рода генерализацию значений предметного поля сформирован рядом предпосылок. Во-первых, с середины 1990-х годов классовая проблематика бурно и остро обсуждалась в рамках нескольких профильных дискуссий, в результате которых множились значения и контексты употребления понятия “класс”. Вначале ряд авторитетных социологов [Beck, 1992; Pakulski, 1996; Lash, 1999; Kingston, 2000] констатировали “смерть класса”: поскольку отсутствует такой социальный феномен, постольку отпадает необходимость в соответствующем понятии и подходе в целом. В ответ на столь радикальную критику приверженцы классового анализа (среди которых гранды исследований социальной стратификации и мобильности — Джон Голдторп и Эрик Олин Райт) искали убедительные аргументы для оппонентов и одновременно полемизировали друг с другом о теоретико-методологических основаниях защищаемого ими направления (см., например, наиболее значимые работы авторов этого периода [Goldthorpe, 2000a; Wright, 1997]). Кроме того, широкий шлейф откликов вызвали дебаты, развернувшиеся по поводу теоретико-методологических новаций, предложенных Ааге Соренсеном (концепция класса как эксплуатации, генерируемой владением рентопродуцирующими активами) [Sørensen, 2000], Дэвидом Граски и Ким Уиден (подход дезагрегации классовых категорий до уровня занятий) [Grusky, 2001], Майком Сэвиджем и коллегами (“новый классовый анализ”, основанный на комбинации экономического, культурного и социального капиталов) [Savage, 2013]. Во-вторых, параллельно с мультипликацией концептуализаций класса росло и число проектов их эмпирической верификации. Литература по классовому анализу полна описаниями разнообразных моделей операционализации альтернативных методологических подходов, трактовками эмпирических результатов многочисленных национальных и международных сравнительных проектов, полученных с применением все более изощренных методических инструментов и все усложняющегося программного обеспечения для анализа собранных данных. Исследователи-участники этих проектов (особенно сравнительных) призывали методологов классового анализа к разработке стандартов измерения класса, к конструктивному обсуждению альтернативных классовых теорий и компромиссу (к примеру, см.: [Leiflufsrud, 2005]).

Эта волна теоретических дискуссий и эмпирических исследовательских проектов формировала запрос на упорядочивание определений класса, связанных с ним классовых концепций и исследовательских стратегий. Откликом на этот запрос был разноплановый анализ класса как теоретического и эмпирического концепта в индивидуальных и коллективных монографиях (например, см.: [Social Stratification, 2001; Crompton, 2008; Rethinking Class, 2004; Approaches, 2005; Social Class, 2008; Social Class in Europe, 2010]). Кроме того, в ходе обозначенных выше дискуссий ряд авторитетных классовых аналитиков [Sørensen, 2000; Grusky, 2001; Therborn, 2002; Wright, 2005; Savage, 2013] разработали разноплановые классификации, которые генерализируют варианты имеющихся в данной предметной области значений понятия “класс” и соответствующие классовые концепции. Таким образом, в формате монографических работ и заочных дискуссий на страницах социологических журналов исследователи, придерживающиеся различных теоретических парадигм, воспитывавшиеся в разных национальных культурах, носители отличающихся политических при-

страстий наметили контуры в большинстве своем все еще имплицитного полотна собственно социологической истории понятия “класс” и классового анализа, параллельно обозначив статус-кво и перспективу этого исследовательского направления.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы эксплицировать современную палитру мнений западных социологов о классе, для чего вначале изложен дайджест классификаций понятия “класс” и классовых концепций, созданных в последние два десятилетия авторитетными классовыми аналитиками — Ааге Соренсеном, Гораном Терборном, Эриком Олином Райтом, Майком Сэвиджем (классификации представлены по очередности публикаций статей), а затем сделаны обобщающие выводы.

Классовые концепции по уровню теоретической амбициозности: Ааге Б. Соренсен

Значительный вклад в типологизацию концепций класса в начале 2000-х годов внес американский социолог Ааге Б. Соренсен. Изложение своей создающей “более надежный базис классового анализа” концепции класса как эксплуатации, генерируемой неравным владением индивидами активами, производящими экономические ренты, Соренсен предваряет кратким обзором важнейших классовых концепций, акцентируя внимание на связанных с ними теориях неравенства [Sørensen, 2000: p. 1525–1532]. Констатируя факт, что обсуждения классовых концепций зачастую запутаны из-за множественности значений термина “класс”, для прояснения ситуации автор посчитал полезным упорядочить *классовые концепции по уровню их теоретической амбициозности*. Он предложил типологию с тремя иерархическими уровнями (см. рис. 1).

(1) На наиболее низком уровне находятся классовые концепции, оставляющие сугубо **номинальные классификации** населения согласно некоторому “измерению” или комбинации измерений стратификации (к примеру, по доходам, престижности профессии или социально-экономическому статусу). Эти концепции пригодны для отображения классовых неравенств жизненных шансов и жизненных условий, классовых различий в мироощущениях, убеждениях, ценностях и паттернах действий. Однако они ничего не утверждают об эмпирическом существовании классов в выделенных классовых границах и не объясняют, как возникли измерения неравенства, на которых эти классификации основываются.

(2) На следующем уровне находятся классовые концепции, утверждающие эмпирическое существование наблюдаемых группировок с распознаваемыми границами — **“классов как жизненных условий”**. Эти классы можно обнаружить двумя способами. Первый — путем идентификации различных жизненных стилей, связанных с разными жизненными условиями, в ходе исследования местных сообществ (см., напр.: [Warner, 1949]). Другой способ — аппроксимировать разнообразными классовыми индикаторами (такими, как занятие, образование, доход, источники дохода, место жительства), служащими мерилем жизненных условий различных классов. Наиболее выдающимся примером этого типа Соренсен называет классовую схему Джона Голдторпа [Goldthorpe, 1987; Erikson, 1992], а в качестве нового варианта — предлагаемую Соренсоном совместно с Дэвидом Граски схему, идентифици-

рующую гомогенные группировки на основе унитарных занятий [Grusky, 1998]. (Соренсен обращает особое внимание, что “класс как жизненные условия” является, по сути, концепцией, отражающей “географию социальной структуры” [Sørensen, 2000: p. 1526], поскольку механизмы социализации, ответственные за различия в мироощущениях и действиях индивидов, присущи не только классам, но также локальным и национальным сообществам.) Классовые концепции/схемы этого типа разрабатываются для описания различий между структурными классовыми позициями, согласно которым распределяются индивиды или семьи, формирующие общности с развитой в большей или меньшей степени демографической, субкультурной и социальной идентичностью. Как и номинальные концепции, они предназначались для эмпирического изучения различий в жизненных стилях и классовых “следствиях”, но не рассчитывались на предсказание революций.

(3) На высшем уровне теоретических амбиций находятся классовые концепции, нацеленные не только на исследовательские вопросы в пунктах 1 и 2, но и на выявление *реальных общностей* в составе населения, члены которых мотивированы вступать в конфликт с членами других общностей по причине структурного противостояния их интересов, то есть противостояния в силу занимаемых ими классовых позиций. Главным примером является марксистская классовая концепция, представляющая структурную теорию неравенства.

Концепции I типа — “классы как номинальные категории”

Выявление классовых неравенств жизненных шансов и материальных условий, изучение разнообразных “классовых следствий”

Концепции II типа — “классы как жизненные условия”

Выявление классовых неравенств жизненных шансов и материальных условий, изучение разнообразных “классовых следствий”

+

Объяснение условий возникновения и воспроизводства классовых общностей и описание “географии социальной структуры”

Концепции III типа — “классы как потенциально конфликтные реальные группы”

Выявление классовых неравенств жизненных шансов и материальных условий, изучение разнообразных “классовых следствий”

+

Объяснение условий возникновения и воспроизводства классовых общностей и описание “географии социальной структуры”

+

Выявление реальных общностей, члены которых мотивированы вступать в конфликт друг с другом из-за структурного противостояния их интересов

Рис. 1. Типология классовых концепций, иерархически упорядоченных по “уровню теоретической амбициозности” (А.Б.Соренсен)

Попытка Соренсена “упорядочить” классовые концепции путем дифференциации их по “уровню теоретической амбициозности” была высоко оце-

нена социологами, в частности, Джон Голдторп назвал ее весьма полезной [Goldthorpe, 2000b: p. 1572–1573]. Он резюмировал, что в соответствии с иерархической природой типологии классовых концепций Соренсена социологи, применяющие концепции первого типа, склонны ограничиваться выявлением классовых различий. Концепции второго типа в дополнение к этому склонны идти дальше — к объяснению условий, при которых имеют место различные степени классового формирования / общности, и к описанию того, что Соренсен элегантно именуется “географией социальной структуры”. Социологи, применяющие концепции третьего типа, идут еще дальше, объясняя возникновение не только межклассовых неравенств и различий, но и антагонистических интересов, создающих потенциал для конфликта. Голдторп резюмирует, что любая хорошо сконструированная теория социального класса должна обладать потенциалом для эффективного применения на всех трех определенных Соренсеном уровнях теоретической амбициозности — способствовать нашему пониманию географии социальной структуры, анализу природы и масштабов классовых неравенств и классовых конфликтов. (На рис. 1 нами реконструированы исследовательские цели, адекватно реализуемые в концепциях разного уровня.)

Тематические кластеры классового анализа: Горан Терборн

Шведский социолог Горан Терборн предложил свое видение понятия класс, сути и перспектив классового анализа (в рамках критического разбора исследовательской программы Дэвида Граски и Ким Уиден) [Therborn, 2002]. На его взгляд, класс в различных его концептуализациях фигурировал главным образом в пяти кластерах тематик, как исследовательских, так и публичного дискурса. Эти тематические кластеры он считает традиционной зоной компетенции классового анализа (см. рис. 2).

(1) ***“Класс” как инструмент социологического анализа капиталистических экономик.*** Констатируя как общепринятое, что “класс” является социологической концептуализацией множеств акторов, разделенных соответственно их позициям и конфликтным рациональным интересам в рамках капиталистической экономики, Терборн формулирует ряд дискуссионных тем. 1. Картографы классов, составляя классовые карты в сложных капиталистических экономиках, часто расходятся во мнениях, где именно следует проводить границы между классами. 2. Контroversионной является проблема аналитического фундамента различения конфликтующих интересов, а значит и классовых формирований, и классовых конфликтов. Для современных неомарксистов в качестве такого фундамента остается привлекательной Марксова концепция эксплуатации; признав ошибочной лежащую в ее основе трудовую теорию стоимости, они предприняли попытки (широко обсуждаемые, но не всеми классовыми аналитиками признанные плодотворными) переформулировать эксплуатацию в иных терминах, например, с помощью аналитических инструментов, привнесенных из теории игр [Roemer, 1982] и теории рент [Sørensen, 2000].

(2) ***“Класс” как источник объяснения истории.*** Терборн уверен, что “класс” был средством понимания истории и социальных изменений с тех пор, как слово было введено в оборот главным представителем от третьего сословия аббатом Сийесом во времена Великой французской революции и

историками времен Реставрации Гизо и Тьерри [Sewell, 1980: p. 78]. В постнаполеоновской Европе расцвет среднего класса — “самой мудрой и добродетельной части общины” (согласно Джеймсу Миллю) — стал к началу 1840-х годов “главным событием последнего времени” [Briggs, 1983: p. 13]. Некоторое время спустя, в 1848 году, Маркс и Энгельс сделали концепт класса политическим манифестом [Marx, 1959]. Терборн констатирует, что на сегодняшний день публичный дискурс в терминах расцвета или упадка классов практически отсутствует в западном мире, однако существует в других частях света — от Южной Америки и посткоммунистической Европы до Индии и Китая, где (как в Западной Европе двести лет назад) заинтересованно обсуждаются размеры и перспективы “среднего класса”. В западных же обществах актуальны разве что понятия “классовая власть” и “демократическая классовая борьба”, выступающие продуктивными средствами понимания современной публичной политики [Korpi, 1983].

(3) **“Класс” как дискурсивная конструкция, или “сконструированная коллективность”** (a constructed collectivity). “Класс” рассматривают и как социальную конструкцию, которая может влиять на социальные действия и социальные изменения. Терборн приводит три примера применения этого подхода. Эдвард Томпсон в книге “Формирование английского рабочего класса” показал, когда и каким образом “класс случился” [Thompson, 1963]. Гарет Стедман Джонс, воспринимавший класс как дискурсивную, а не онтологическую реальность, основные усилия приложил скорее “к объяснению языков класса исходя из природы политики, нежели к объяснению характера политики исходя из природы класса” [Jones, 1983: p. 8]. Адам Пшеворски проанализировал формирование классов в XX веке под влиянием предвыборных стратегий политических партий [Przeworski, 1986]. Терборн считает понимание класса как “сконструированной коллективности” “многообещающей исследовательской программой для сравнительного исторического исследования”. “Когда, где, в какой форме и каким образом “класс” — социально-экономически определенное расслоение — возник или исчез как осязаемая категория социального и политического дискурса и организации, как существенная коллективная идентичность?” [Therborn, 2002: p. 223]. Сам Терборн в своих работах показал, что в Европе класс был более важной дискурсивной конструкцией, чем где бы то ни было, в силу европейского пути к модерну главным образом через внутренний конфликт, а также в силу уникального европейского преобладания индустриальной постаграрной занятости [Therborn, 1995: p. 23–25, 66–78].

(4) **Класс как объяснение структуризации жизненных шансов.** Признавая непреходяще актуальным изучение классово детерминированной паттернизации жизненных шансов людей в течение жизни и из поколения в поколение, Терборн считает важным учесть в этой программе два момента. 1. Признать порочным любой анализ современной структурированности жизненных шансов и генерации неравенства, не уделяющий системного внимания капиталу и финансовым рынкам. 2. Соблюдать оптимальность агрегированных классов (категорически возражая против модели дезагрегации классов Граски и Уиден, Терборн считает достаточной “полную версию” классовой схемы Голдторпа с одиннадцатью классами или ее более агрегированные варианты).

(5) **Класс как объяснение различий в паттернах социального действия.** Терборн отмечает, что традиционная программа классового анализа включает рассмотрение класса как возможного объяснения различий в паттернах социального действия, в частности голосования, потребления, коллективного протеста, культурных практик и др. Хорошо известно, что в последние десятилетия влияние класса очень различно и зачастую крайне ограничено.

Согласно Терборну, эти пять тематических кластеров, в разное время имевших наибольшее значение для классовых аналитиков, актуальны и для современного классового анализа. Он считает, что многообещающей исследовательской программой для интересующихся классом ученых будет движение в направлении, противоположном локальному сужению до масштаба занятий (как в концепции Граски и Уиден), — в направлении сравнительных исследований классовых культурных восприятий, дискурсивных и политических стратегий в различные периоды и на различных континентах, а также изучения, с одной стороны, интерфейсов национальных социально-экономических расслоений, институтов и распределительных процессов, а с другой — глобальных либо транснациональных потоков и исторических условий.

Рис. 2. Тематические кластеры классового анализа (Горан Терборн)

Классовый анализ как ответ на шесть вопросов: Эрик Олин Райт

Среди классовых аналитиков, сделавших в 2000-е годы авторское упорядочивание основных классовых концепций, был и Эрик Олин Райт. Он предложил свою типологию способов применения термина “класс” в социологической теории [Wright, 2003, 2005]. Констатируя, что “любое употребление слова “класс” в социологической теории тем или иным способом поднимает проблему понимания систем экономического неравенства”, Райт признает, что “отдельные употребления слова встроены в сильно различающиеся теоретические исследовательские программы, включающие свои типы вопросов, а значит, свои разновидности концепций”. Задачу классифицировать альтернативные значения концепта “класс” Райт реализовал пу-

тем идентификации “узловых (*anchoring*) вопросов различных исследовательских программ классового анализа”. Он выделяет шесть узловых вопросов, в ответах на которые слово “класс” играет определяющую роль (см. табл.)¹.

(1) **Класс как объективное положение в системе неравенства.** Понятие “класс” часто является основополагающим для вопроса: “Как люди *объективно размещены* в распределении материального неравенства?”. В этом случае класс определяется в терминах материального жизненного уровня, обычно индексируемого доходом или богатством. В этой программе класс является “градационной концепцией” и обычно изображается в виде ступенек лестницы с метками (например, высший класс, верхний средний, средний, нижний средний, низший). По словам Райта, именно эта концепция класса ярче прочих выражена в массовом сознании, особенно в странах, не имеющих развитой политической традиции, связанной с рабочим классом (например, США). В этом контексте класс противопоставляется другим способам объективного размещения людей в рамках социальных структур, таких как гражданство или власть.

(2) **Класс как субъективное положение и субъективно значимые группы.** Слово “класс” иногда фигурирует в качестве одного из ответов на вопрос: “Как люди, в индивидуальном или коллективном порядке, *локализуют себя и всех остальных* в рамках социальной структуры неравенства?”. В этом случае концепция будет определять классы, согласно Райту, как “социальные категории с общими субъективно определенными атрибутами, используемыми людьми для ранжирования этих категорий в рамках системы экономической стратификации”. При этом содержание оценочных атрибутов существенно меняется в зависимости от времени и места употребления классовых категорий. “В одних контекстах классификация классов как субъективных-местоположений строится вокруг жизненных стилей, в других — вокруг занятий, в третьих — вокруг уровней доходов”. Экономическое содержание субъективной классификационной системы может быть выражено или непосредственно — в уровнях доходов, или опосредованно — в выражениях вроде “респектабельные классы”. Количество классов также изменчиво в зависимости от того, как сами акторы определяют классовые различия. Итак, класс здесь определяется не набором объективных параметров социальной ситуации индивида, а общими субъективными представлениями людей о расстановке в системе социального неравенства. В этом понимании класс будет противопоставляться другим формам оценивания (религии, этничности, полу, занятию и др.), которые также могут иметь экономическое измерение, но не определяются в первую очередь в

¹ Данная типология представлена Райтом в двух несколько отличающихся вариантах. (1) В заключении к коллективной монографии “Подходы к классовому анализу” под редакцией Райта [Approaches to Class Analysis, 2005], где изложены доминантные теоретические предпосылки (неомарксизм, неовеберизм, неоярджеймианство, концепция П.Бурдьё, интерпретация классов в контексте теории ренты А.Соренсена, а также принципы постклассового анализа), данная типология из шести узловых вопросов служит инструментом, генерализующим названные концептуальные подходы [Wright, 2005]. (2) Более ранний вариант типологии из 5-ти вопросов содержится в статье “Социальный класс”, написанной Райтом для “Энциклопедии социальной теории” под редакцией Джорджа Ритцера [Wright, 2003]. Сделанное нами реферирование типологии Райта опирается на обе статьи.

экономических терминах. Классическим примером субъективистской классовой концепции является концепция Ллойда Уорнера [Warner, 1960]. Согласно Райту, вопрос о формировании субъективной идентичности играет основополагающую роль в трех из представленных им современных теоретических подходов. В классовом анализе Пьера Бурдьё важна связь символических классификаций, классовых различий в жизненных шансах и классовых идентичностей [Bourdieu, 1984]. Дэвид Граски, идентифицируя классы в терминах “реальных” групп в противовес просто номинальным классификациям, исходит из тезиса, что в современных развитых обществах такие реальные, субъективно значимые границы соответствуют не “крупным классам” в марксистском и веберовском подходах, а занятиям. Именно занятийные группы генерируют типы значимых переживаний и возможностей для людей, превращая эти категории в реальные (иными словами, субъективно значимые) группы, а не просто формальные классификации [Grusky, 2001]. Проблема субъективной идентичности и группового формирования находится в центре классового подхода Яна Пакульски [Pakulski, 1996, 2005]. Он утверждает, что ранее формировавшиеся вокруг экономических неравенств в рамках рынка и сферы производства стабильные групповые идентичности к концу XX века стали размытыми; класс более не является релевантным ответом на вопрос о субъективной локализации и социально значимых других. Различным образом определяя класс (Пакульски в традиционных категориях “крупных” классов, Граски — дезагрегированных субъективно значимых групп занятий), оба утверждают, что того типа широкие социальные категории, которые и марксисты, и веберовцы идентифицируют как “классы”, более не являются субъективно существенными идентичностями когерентных групп с реальными границами.

(3) **Класс как реляционное объяснение экономических жизненных шансов.** Класс может быть частью ответа на один из самых известных социологических вопросов: “Чем объясняется неравенство экономически определенных жизненных шансов и материальных уровней жизни индивидов и семей?” Райт подчеркивает, что этот вопрос требует не просто описательно ранжировать (субъективно или объективно) людей в рамках некоей системы стратификации, но идентифицировать конкретные причинно-следственные механизмы, помогающие определить характерные черты этой системы. Как правило, “когда класс используется для объяснения неравенства, его концепция в первую очередь определяется не субъективно значимыми атрибутами социального положения, а *отношением людей к разнообразным доходогенерирующим ресурсам*”. Так класс становится не просто *градационной*, а *реляционной* концепцией. Такая концепция класса характерна как для веберовской, так и для марксистской традиции. Согласно Райту, в этом контексте класс противопоставляется прочим детерминантам жизненных шансов человека (таким, как географическое положение, раса, пол, врожденная одаренность), которые также могут фигурировать в анализе класса (в объяснении, почему разные типы людей оказываются в разных классах), но определение класса как такового фокусируется на связях между людьми и доходогенерирующими активами. На третьем вопросе сосредоточен классовый анализ Джона Голдторпа; его категории разработаны строго в терминах требований описания и объяснения экономических жизненных шансов (см.: [Goldthorpe, 1987, 2000a; Erikson, 1992]). Этот вопрос является также узловой точкой классовой концепции Пьера Бурдьё, правда, от других классовых аналитиков его отли-

чает расширение идеи объяснения жизненных шансов путем перехода от набора сугубо экономических ресурсов к множеству неэкономических (культурных и социальных) ресурсов (см.: [Bourdieu, 1984, 1985, 1986, 1987]).

(4) **Класс как основа генерирования антагонистического конфликта**¹. Вопрос “Какие социальные расслоения (cleavages) систематически формируют открытые антагонизмы и конфликты?” еще более усложняет объяснительную функцию концепции класса. Согласно Райту, такой вопрос предполагает концепцию, где классы определяются не просто общностью условий, детерминирующих экономические возможности (на что направлен третий вопрос), но где эти кластеры общих условий генерируют антагонизмы интересов и, соответственно, тенденцию к открытому конфликту (создают почву сталкивать людей лбами в стремлении воспользоваться этими возможностями). В объяснении социального конфликта класс будет противопоставляться неэкономическим источникам социального расслоения (например, религиозная или этническая принадлежность) и неклассовым формам экономического расслоения (сектор экономики или географический регион). Данный вопрос о базисе антагонистического конфликта наиболее значим в марксистской традиции, хотя и Вебер рассматривает класс как потенциальную основу для социальных конфликтов, однако отвергая тезис Маркса об открытом конфликте как неизбежном следствии классовых отношений. В трактовке Райта, Маркс не считал взрывоподобный классовый конфликт устойчивой чертой капиталистического общества, однако он явно разделял два тезиса: 1) капитализм будет характеризоваться повторяющимися эпизодами интенсивного классового конфликта; 2) с течением времени эти эпизоды будут иметь тенденцию к интенсификации, что приведет в итоге к преобразованию капитализма революционным путем. Афоризм “классовая борьба — движущая сила истории” выражает важность проблемы конфликта для классовой концепции Маркса. Для Райта очевидно, что в концепциях, узловым вопросом которых является объяснение социального конфликта, особую роль будет играть теория эксплуатации. В марксизме она разрабатывается в терминах присвоения одним классом труда другого, в классовом подходе А. Соренсена — в терминах извлечения экономических рент. В обоих случаях конфликты интересов рассматриваются как встроенные в саму структуру классовых отношений.

(5) **Класс как измерение исторической вариативности в системах неравенства**. Класс фигурирует в ответах на вопрос: “Как следует характеризовать и объяснять изменчивость социальной организации неравенства на протяжении истории?” Согласно Райту, этот вопрос требует макроуровневой концепции (поскольку микроуровневая концепция предназначена для объяснения причинно-следственных процессов в жизни отдельных индивидов), причем концепции, допускающей макроуровневые изменения во времени и пространстве. Этот вопрос важен и для марксистской, и для веберовской традиции, но они дают на него разные ответы. В марксизме важнейшим аспектом исторической вариативности неравенства являются *различия способов производства и присвоения экономического излишка* в разных экономических системах, соответственно, классы определяются исходя из механизмов извлечения излишка. Капитализм и феодализм противопо-

¹ Этот пункт отсутствует в более ранней версии типологии [Wright, 2003].

ставляются на основе конкретных механизмов осуществления эксплуатации, в первом случае — механизма рынка труда, который дает рабочим возможность быть нанятыми капиталистами, а контроль капиталистов над процессом труда позволяет присваивать трудозатраты рабочих; во втором — механизма принудительного изъятия землевладельцами излишка у крестьян. Оба способа организации экономических отношений генерируют классы, базируясь на присвоении экономического излишка эксплуатирующим классом, однако они качественно отличаются способом его извлечения. Для Вебера же главной проблемой исторической вариативности является *относительная значимость различных форм неравенства* — класса и статуса. Капитализм и феодализм противопоставляются не как два типа классовых структур, а как общества, где фундаментальной основой власти и неравенства в первом случае является класс, а в другом — статус. На вопросе о формах исторической вариативности в социальной организации неравенств фокусируются и посвященные классу работы Майкла Манна, в первую очередь “Источники социальной власти” [Mann, 1986]. Этот вопрос имеет определенную роль в подходах Яна Пакульски и Дэвида Граски (см. рис. 3), однако их фокусом является вариативность классовости (*classness*) социального неравенства с течением времени *в рамках* истории капитализма. Согласно Райту, для этих авторов “класс описывает социальную организацию неравенства в конкретный период развития капитализма, примерно с начала промышленной революции до наступления постиндустриальной эры. В данном случае вопрос не в относительной значимости классового и статусного строя, как у Вебера, и не в крупномасштабной исторической вариативности форм эксплуатации, как у Маркса, а в переходе от высоко структурированной и когерентной системы неравенства в промышленном капитализме к фрагментированной, перекрестной системе комплексных неравенств в постмодерных обществах” [Wright, 2005: p. 119].

(6) **Класс как основа освобождения (*emancipation*)**. Класс играет главную роль в ответе на вопрос: “Какого рода преобразования необходимы для ликвидации экономического угнетения и эксплуатации в капиталистических обществах?” Этот вопрос требует не только поиска объяснений механизмов генерации экономических неравенств, но и нормативного суждения об этих неравенствах (оценки их как исторически преходящих форм угнетения и эксплуатации) и нормативного видения преобразований этих неравенств. Это узловым марксистский вопрос, предполагающий концепцию класса, нагруженную нормативным содержанием (иными словами, играющую определяющую роль в политическом проекте освободительных социальных преобразований, ставящую вопрос о вызове системам экономического угнетения и эксплуатации). Райт отмечает, что в марксистской традиции классового анализа важны и иные исследовательские вопросы из его классификации, например, третий (о структуризации жизненных шансов) или пятый (об исторической вариативности), однако особую значимость они приобретают в рамках параметров проблемы освободительных преобразований.

Итак, каждому определению класса Райт поставил в соответствие определенную исследовательскую программу, наглядно отразив связь между набором узловых вопросов и различными подходами классового анализа (см. табл.). Райт отмечает, что его идея — представить альтернативные каркасы классового анализа как организованные вокруг различных комбинаций узловых вопросов — может нейтрализовать “идеологически заряженный характер

многих дебатов о классе” и позволить исследователям не примыкать всецело к тому или иному лагерю (марксистов, веберянцев, бурдьёанцев или дюргеймианцев), а выбирать тот или иной подход в зависимости от конкретной эмпирической исследовательской программы, ведь лучшее концептуальное меню могут предоставить то те, то иные подходы классового анализа. “Исследователь может стать веберянцем для изучения классовой мобильности, бурдьёанцем для изучения классовых детерминант жизненных стилей и марксистом для критики капитализма” [Wright, 2005: p. 190].

Таблица

Шесть узловых вопросов классового анализа

Подход к классовому анализу	1. Положение в распределении	2. Субъективно значимые группы	3. Жизненные шансы	4. Антагонистические конфликты	5. Историческая вариативность	6. Освобождение
Массовое сознание	***	*	**	*		
Дэвид Граски (неодюргеймианский подход)	**	***	**	*	*	
Ян Пакульски	**	***	**	**	**	
Пьер Бурдьё	**	**	***	*		
Ричард Брин и Джон Голдторп (неовеберийанский подход)	**	*	***	*		
Ааге Соренсен	**	*	**	***		
Макс Вебер	*	*	**	*	***	
Эрик Олин Райт (неомарксистский подход)	*	*	**	**	**	***

*** первостепенный узловый вопрос для данной концепции класса

** второстепенный узловый вопрос (подчиненный первостепенному узловому)

* дополнительный вопрос, затрагиваемый в классовой концепции, но не являющийся основным для нее

Вопросы, в ответах на которые фигурирует “класс”:

1. *Положение в распределении*: “Как люди объективно размещены в распределениях материального неравенства?”
2. *Субъективно значимые группы*: “Как люди, в индивидуальном или коллективном порядке, субъективно локализуют себя и всех остальных в рамках структуры неравенства?”
3. *Жизненные шансы*: “Чем объясняется неравенство жизненных шансов и материальных уровней жизни?”
4. *Антагонистические конфликты*: “Какие социальные расслоения систематически формируют открытые конфликты?”
5. *Историческая вариативность*: “Как следует характеризовать и объяснять изменчивость социальной организации неравенств на протяжении истории?”
6. *Освобождение*: “Какого рода преобразования необходимы для ликвидации угнетения и эксплуатации в капиталистических обществах?”

Источник: [Wright, 2005: p. 190].

Три способа описания класса: Майк Сэвидж и коллеги

Майк Сэвидж и коллеги в статье-ответе на критические отзывы о предложенной ими “новой классовой карте” современного британского общества (см.: [Savage, 2013]) еще раз обращаются к вопросу “Что такое класс?” [Savage, 2014]. Отмечая, что концепцию класса невозможно привязать к какой-либо одной парадигме, авторы констатируют, что вопросы определения природы класса и его современного картографирования жестко оспариваются в рамках главенствующих академических парадигм. На их взгляд, эта неурегулированность продуктивна, свидетельствуя о мощи и актуальности самой классовой концепции. Анализируя конкурирующие подходы, авторы выделили три различных способа описания класса, каждый из которых ярко проявляется в отзывах на их исследование (рис. 3).

Первый способ делает акцент на *классе как “дискретной” переменной*, которую нужно отдифференцировать от всех прочих характеристик, с которыми он может ассоциироваться (статус, пол, возраст, этническая принадлежность, место жительства и т.д.) (напр., см.: [Mills, 2013]). По мнению команды Сэвиджа, исповедующие этот подход исследователи стремятся определить класс как унитарную/дискретную переменную и зафиксировать ее “нетто” значимость (на это нацелены масштабные проекты эмпирической оценки значимости класса среди прочих названных выше переменных).

Второй способ определения класса, предпочитаемый Сэвиджем и коллегами¹, касается *класса как социального формирования (social formation)*. В этом случае класс является результатом кристаллизации различных характеристик (занятие, доход, пол, возраст и др.), однако выходящим за рамки составляющих его различных факторов. По мнению авторов, классы именно в этом смысле — не как очищенные от примесей “чистые” переменные, но как отчетливые социальные формирования — интересуют историков. Согласно знаменитой формулировке Эдварда Томпсона, английский рабочий класс был кристаллизацией культурных традиций “свободно-рожденных англичан”, ремесленных навыков, опыта государственных репрессий и т.п. [Thompson, 1963]. Современные историки добавляют еще другие черты, такие как гендерная специфика классовых культур и идентичностей [Clarke, 1997; Skeggs, 1997, 2004], переплетение классовой идентичности с расовой и этнической [Hall, 1980: p. 342; Rollok, 2014]. Согласно определению Сэвиджем и коллегами класса как социального формирования, классовая схема должна обнаруживать классы не как структурные сущности, а как продукт взаимодействия составляющих их различных капиталов — экономического, социального и культурного.

В третьем значении, обнаруженном в рамках дискуссии, класс рассматривается как *идеологическое противоречие демократического капитализма*. Сэвидж и коллеги отмечают, что горячий общественный интерес к классу в начале XXI века (возникший в результате широко разрекламированной кампании по сбору данных относительно классовой карты современного британского общества) резонирует с глубокой напряженностью между, с одной

¹ Сэвидж и коллеги подчеркивают, что их модель иного типа, чем разработанная Голдторпом, поскольку является не дедуктивной, а индуктивной классовой схемой [Savage, 2013: p. 243].

стороны, мнимо эгалитарным духом демократического общества, а с другой — резкими и далее обостряющимися неравенствами капитализма (детальнее о противоречивых измерениях класса в этом ключе см.: [Dorling, 2014]). Иными словами, признать существование классов в виде дискретных социальных групп (сконструированных авторами) значит оскорбить глубоко сокрытый эгалитаризм общественности с ее верой в то, что “каждый ничем не хуже другого”, ее сопротивление снобистским и элитарным мотивам с устоявшимся мнением, что “вести себя с окружающими с неприкрытой надменностью уже очень непопулярно” (подр. см.: [Savage, 2001; Warde, 2012]). Однако, при всем символическом доминировании этого популистского и демократического мотива, современный капитализм одновременно генерирует масштабные экономические расслоения и фундаментальные неравенства жизненных шансов, которые нельзя не замечать. По мнению Сэвиджа, “класс задевает за живое”, поскольку “инклюзивная демократическая чувствительность вступает в конфликт с повседневным очевидным существованием неравенства”. Таким образом, налицо ситуация культурной двойственности, когда люди сопротивляются идее существования четко различимых социальных классов и идентификации их (людей) в качестве членов конкретного класса, но в то же время хорошо приспособлены к процессам “классования” и заинтригованы пониманием принципа действия класса.

Авторы резюмируют, что ход обсуждения приводит к выводу о ключевой взаимосвязи класса и неравенства. Ибо классы, во всех трех вышеперечисленных смыслах, могут существовать только во взаимосвязи с другими классами, и именно структурная асимметрия между ними является узловым элементом для понимания их как классов, а не просто групп или категорий. Именно в силу этого пересечения с неравенством концепция класса отличается от концепции типологий маркетинговых исследований или форм сегментации. Сэвидж и коллеги подчеркивают, что на основе комплексного набора данных всегда можно выстроить типологии, однако для признания их классами требуется ответ на фундаментальный вопрос о том, *как* класс связан с неравенством. При этом именно вопрос о природе класса авторы считают наиболее острым и спорным, однако, резюмируя предыдущие дискуссии [Savage, 2005], они не видят пока ее адекватного разрешения.

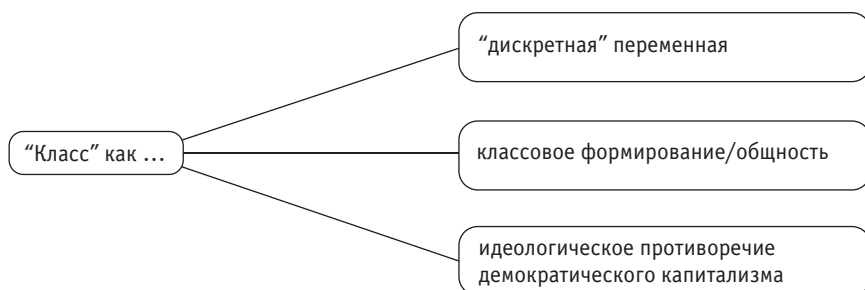

Рис. 3. Три способа описания класса (Майк Сэвидж и коллеги)

Резюме

Авторы изложенных выше классификаций, деликатно сняв информационный шум, неизменно сопровождающий уже почти два столетия дискуссии о классах, емко суммировали релевантные для данной предметной

области значения и смыслы, начиная от наиболее важных предшественников, изучавших макроструктурированность социума (прежде всего, К.Маркс и М.Вебер) и современных общепризнанных грандов классового анализа (Дж.Голдторп, Э.О.Райт, П.Бурдье), и заканчивая методологами-новаторами (А.Соренсен, Я.Пакульски, Д.Граски и К.Уиден, М.Сэвидж и др.), чьи идеи подвергаются сегодня пристрастной концептуальной и эмпирической верификации. Сопоставление рассмотренных выше классификаций позволяет сделать ряд констатаций.

1. Авторы предложенных классификаций, препарировав и суммируя варианты концептуализаций класса и методологий его исследования, поневоле обнаруживают и демонстрируют идеологическую напряженность академических дебатов о классе и довольно жесткую конкуренцию и нетерпимость в исследовательских стратегиях. Между тем среди классовых аналитиков сложился и определенный консенсус, заключающийся в признании множественности значений понятия “класс” и разнообразия классовых концепций по уровню объяснительной компетенции, а также в осознании необходимости упорядочить имеющиеся определения класса и использовать их в зависимости от теоретических предпочтений и предметного фокуса исследователя.

2. В каждой из предложенных классификаций обнаруживается априорная неразрывность определения класса и содержания/программы классового анализа. Иными словами, за каждым определением класса просматривается свой шлейф тематизаций исследовательского поля, имен и знаковых публикаций классовых аналитиков, репрезентирующих данный способ социологического употребления понятия “класс”.

3. Изложенные классификации не противоречат друг другу (хотя они построены на разных основаниях и имеют собственное назначение), а скорее дополняют друг друга, под разным углом зрения структурируя наше знание о классе и возможностях его концептуализации. Так, А.Соренсен упорядочивает классовые концепции, согласно трем “уровням их теоретической амбициозности”, где обретают свое место как более простые градационные модели, так и более сложные — реляционные. Э.О.Райт, разрабатывая свою типологию “узловых вопросов классового анализа” в том же ключе (различая градационные и реляционные схемы), добавляет еще одно основание дифференциации — субъективные и объективные схемы. Г.Терборн определяет “класс” не только как онтологическую или структурную реальность, а как дискурсивную конструкцию. Классификация М.Сэвиджа и коллег, отличаясь от трех предыдущих большей эмпирической ориентированностью, обращает внимание на контroversийность бытования понятия “класс” в публичном дискурсе современного западного (британского) общества. Вместе с тем все рассмотренные генерализации значений понятия “класс” предполагают обязательность операционализации и картографирования класса, а затем фиксации “классовых следствий” — эмпирической верификации влияния класса на жизненные шансы, социальную идентичность, здоровье, культурные практики, паттерны потребления и политического участия и т.п.

4. Авторы классификаций не претендуют на создание какой-либо общей (универсальной) программы классового анализа, тем не менее из сделанных ими обобщений можно без труда эксплицировать перспективные направления и конкретные задачи для будущих исследований. Причем претензия на монополию исследовательской стратегии подрывается самими

грандами исследования классов, например, такого рода прагматизм проглядывает в совете Эрика Олина Райта молодым социологам не втягиваться в идеологические дебаты и не стремиться всецело примкнуть к одному из конкурирующих лагерей теоретиков, а выбирать “концептуальное меню”, руководствуясь конкретными исследовательскими задачами, а не идеологическими предпочтениями [Wright, 2005: p. 190].

Источники

Approaches to Class Analysis / E.O. Wright (ed.). — Cambridge University Press, 2005. — 212 p.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / Beck U. — London : Sage, 1992. — 272 p.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste / P. Bourdieu ; trans. by R. Nice. — N.Y. : Harvard University Press, 1984. — 640 p.

Bourdieu P. The Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / John G. Richardson (ed.). — N.Y. : Greenwood Press, 1986. — P. 241–258.

Bourdieu P. What Makes a Social Class? / P. Bourdieu // Berkeley Journal of Sociology. — 1987. — Vol. 22. — P. 1–18.

Briggs A. The Language of ‘Class’ in Early Nineteenth Century England / A. Briggs // History and Class / R. S. Neale (ed.). — Oxford : Basil Blackwell, 1983. — P. 2–29.

Clarke A. The Struggle for the Breeches: Gender and the Making of the British Working Class / A. Clarke. — Berkeley : University of California Press, 1997. — 415 p.

Crompton R. Class and Stratification: An Introduction to Current Debates / R. Crompton. — 3rd ed. — Cambridge : Polity, 2008. — 304 p.

Dorling D. Thinking about class / D. Dorling // Sociology. — 2014. — Vol. 48, № 3. — P. 452–462.

Erikson R. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies / R. Erikson, J.H. Goldthorpe. — Oxford : Clarendon Press, 1992. — 445 p.

Goldthorpe J.H. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory / J.H. Goldthorpe. — Oxford : Oxford University Press, 2000a. — 352 p.

Goldthorpe J.H. Rent, class conflict, and class structure: A commentary on Sørensen / J.H. Goldthorpe // American Journal of Sociology. — 2000b. — Vol. 105, № 6. — P. 1572–1582.

Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain / J.H. Goldthorpe, C. Llewellyn, G. Payne. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1987. — 398 p.

Grusky D.B. Can Class Analysis Be Salvaged? / D.B. Grusky, J.B. Sørensen // American Journal of Sociology. — 1998. — Vol. 103. — P. 1187–1234.

Grusky D.B. Class Analysis and the Heavy Weight of Convention / D.B. Grusky, K.A. Weeden // Acta Sociologica. — 2002. — № 45(3). — P. 229–236.

Grusky D.B. Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis / D.B. Grusky, K.A. Weeden // Acta Sociologica. — 2001. — Vol. 44. — P. 203–218.

Hall S. Race, articulation, and societies structured in dominance / S. Hall // Sociological Theories: Race and Colonialism. — Paris : UNESCO, 1980. — P. 305–345.

Jones G.S. Languages of Class / Jones G.S. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 272 p.

Kingston P.W. The Classless Society / Kingston P.W. — Stanford : Stanford University Press, 2000. — 280 p.

Korpi W. The Democratic Class Struggle / Korpi W. — London : Routledge, 1983. — 277 p.

Lash S. Another Modernity: A Different Rationality / Lash S. — Oxford : Blackwell, 1999. — 400 p.

Leiulfsrud H. Social Class in Europe: European Social Survey 2002/3 / H. Leiulfsrud, I. Bison, H. Jensberg // Official ESS Report. NTNU Social Research in Trondheim & Department of Social Research, Trento University, 2005.

Mann M. The Sources of Social Power : in 2 vols. / Mann M. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — Vol. 1 : A History of Power from the Beginning to AD 1760. — 1986. — 574 p. ; Vol. 2 : The Rise of Classes and Nation States 1760–1914. — 1993. — 846 p.

Marx K. The Communist Manifesto / K. Marx // Capital, the Communist Manifesto, and Other Writings by Karl Marx / Max Eastman (ed.). — N.Y. : Modern Library, 1959. — P. 315–355.

Mills C. The great British class fiasco: A comment on Savage et al. / C. Mills // Sociology. — 2014. — Vol. 48, № 3. — P. 437–444.

Pakulski J. Foundations of a post-Class Analysis / J. Pakulski // Approaches to Class Analysis / E.O. Wright (ed.). — Cambridge University Press, 2005. — P. 152–179.

Pakulski J. The Death of Class / J. Pakulski, M. Waters. — London : Sage Publications, 1996. — 184 p.

Przeworski A. Paper Stones. A History of Electoral Socialism / F. Przeworski, J. Sprague. — Chicago : Chicago University Press, 1986. — 230 p.

Rethinking Class, Identities, Cultures and Lifestyles / F. Devine, M. Savage, R. Crompton, J. Scott. — Basingstoke : Palgrave, 2004. — 248 p.

Roemer J. A General Theory of Exploitation and Class / Roemer J. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1982. — 298 p.

Rollock N. Race, class and ‘the harmony of dispositions’ / N. Rollock // Sociology. — 2014. — Vol. 48, № 3. — P. 445–451.

Savage M. A New Model of Social Class? Findings from the BBC’s Great British Class Survey Experiment / M. Savage, F. Devine, N. Cunningham, M. Taylor, Y. Li, J. Hjellbrekke, B. Le Roux, S. Friedman, A. Miles // Sociology. — 2013. — Vol. 47, № 2. — P. 219–250.

Savage M. Capitals, Assets and Resources: Some Critical Issues / M. Savage, A. Warde, F. Devine // British Journal of Sociology. — 2005. — Vol. 56, № 5. — P. 31–48.

Savage M. Ordinary, ambivalent and defensive: Class identities in the north-west of England / M. Savage, G. Bagnall, B.J. Longhurst // Sociology. — 2001. — Vol. 35, № 4. — P. 875–892.

Savage M. On Social Class, Anno 2014 [Electronic resource] / M. Savage, F. Devine, N. Cunningham, S. Friedman, D. Laurison, A. Miles, H. Snee, M. Taylor // Sociology. — 2014. (Early Online) — Access mode : <http://soc.sagepub.com/content/early/2014/06/06/0038038514536635>.

Sewell W.H. Work & Revolution in France / Sewell W.H. — Cambridge : Cambridge University Press, 1980. — 352 p.

Skeggs B. Class, Self and Culture / Skeggs B. — London : Routledge, 2004. — 232 p.

Skeggs B. Formations of Class and Gender / Skeggs B. — London : Sage, 1997. — 200 p.

Social Class: How Does it Work? / D. Conle, A. Lareau (eds.). — N.Y. : Russell Sage Foundation, 2008. — 388 p.

Social Class in Europe: An Introduction to the European Socio-Economic Classification / D. Rose, E. Harrison (eds.). — London : Routledge/ESA, 2010. — 352 p.

Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D.B. Grusky (ed.). — 2nd ed. — Boulder : Westview, 2001. — 544 p.

Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis / A.B. Sorensen // American Journal of Sociology. — 2000. — Vol. 105. — P. 1523–1558.

Therborn G. Class Perspectives: Shrink or Widen? / G. Therborn // Acta Sociologica. — 2002. — Vol. 45. — P. 221–225.

Therborn G. European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies 1945–2000 / Therborn G. — London : Sage, 1995. — 416 p.

Thompson E.P. The Making of the English Working Class / Thompson E.P. — London : Gollancz, 1963. — 864 p.

Warde A. Cultural hostility reconsidered / A. Warde // Cultural Sociology. — 2012. — Vol. 5, № 3. — P. 341–366.

Warner W.L. Social Class in America / W.L. Warner, M. Meeker, K. Eells. — Chicago : Science Research Associates, 1949. — 292 p.

Wright E.O. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis / E.O. Wright. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 616 p.

Wright E.O. Classes / E.O. Wright. — London : Verso, 1985. — 340 p.

Wright E.O. Conclusion: If “class” is the answer, what is the question? [Electronic resource] / E.O. Wright // Approaches to Class Analysis / E.O. Wright (ed.). — Cambridge University Press, 2005. — P. 180–192. — Access mode:

<https://www.ssc.wisc.edu/~wright/Conclusion%20Jan%202004.pdf>.

Wright E.O. Social Class [Electronic resource] / E.O. Wright // Encyclopedia of Social Theory / G. Ritzer (ed.). — Sage Publications. — 2003(2005). — P. 1–16. — Access mode : <https://www.ssc.wisc.edu/~wright/Social%20Class%20-%20Sage.pdf>.